

Глава первая ЛУЧШЕЕ, ЧТО У МЕНЯ БЫЛО...

Эта война, мой друг, куда сложнее, чем кажется.

Если ты полагаешь, что это дела волшебников, которые не коснутся нас с тобой, простых людей, ты жестоко ошибаешься.

Она не останется в границах Талориса, выйдет за пределы школы через несколько дней и поглотит весь мир. Вспоминай его. Прежним он больше не будет.

Никогда.

*Письмо главы ордена таувинов,
отправленное единому королю.
5-й день войны Гнева*

Ночь длилась бесконечно.

Непроглядная, густая, тягучая и по-летнему душная, она вонючим грифом-падальщиком опустилась на Риону, поправ, пируя и втягивая в себя запах смерти. Казалось, что ее власть будет вечной, но спустя, возможно, годы она начала распадаться на клочки. Деформироваться, таять, истончаться, терять плоть, точно труп, лежащий в степи, терзаемый солнцем, ветром, дождем, насекомыми, зверьем и птицами.

Исчезала неохотно, цеплялась когтистыми лапами за дома, пыталась содрать с них черепицу, проникнуть внутрь, лишь бы спрятаться от рассвета. Растворялась в кварталах, бледнела, превращаясь в сумерки.

Серые, блеклые и нечеткие, они поработили город, не покидали его с приходом утра и оставались до самого вечера, чтобы вновь загустеть и соткаться в темного падальщика.

Слишком привлекательна сейчас Риона для трупоедов.

Пока же солнце, словно утопленник, всплывший на поверхность пруда, раздувшийся и отталкивающий, поднималось из-за моря лишь для того, чтобы застыть в паре дюймов над горизонтом.

Маленькое. Белое. Тусклое. Не дающее ни тепла, ни света. Оно очень походило на глаз вареной рыбы.

А может, и не рыбы.

Глаз Шерон.

Вот что.

Акробат потерял правое плечо. Рана, нанесенная ему шауттом во время боя на улицах, заживала удивительно быстро, остался лишь темно-красный шрам. А вот боль, та, которую он ощутил в первое мгновение, возвращалась. Засела где-то в срастающихся мышцах и нет-нет напоминала о себе.

Демон отравил его кровь. Тэо знал, что именно так действовали лунные люди, когда желали убить сильного асторэ. Заражали кровь той стороной, насыщали мраком. Акробату повезло, что в него попала лишь жалкая капля другого мира — и искры в теле сражались с ней. Отчего Пружину бросало то в жар, то в холод.

Он стоически терпел, справлялся молча, ощущая вкус пепла на языке, запах гари и горелой плоти разъедал его ноздри, костистые пальцы скребли нёбо, драли гортань. От этого смрада было больно глотать, словно острая рыбья кость застряла где-то в глотке.

В гавани сонно шептал ветер, стелился над угольно-черным пожарищем, петлял между остовов прогоревших зданий, скидывал хвостом золу и прах сотен погибших в безжизненную серую воду.

Этот прах, невесомая пыль, пачкал ботинки, ластился к ним, словно всеми забытый, брошенный пес. Никто не отличил бы его от песка.

Никто, кроме Шерон.

Впрочем, Тэо уже давно не думал о том, по чему или кому ходит в последние дни. И сейчас смотрел лишь на горизонт, туда, где только его золотистые глаза различали две едва заметные точки.

Два корабля. Один уходил из Треттини, другой же, вопреки всякой логике любого разумного существа, плыл к городу. О втором Тэо совсем ничего не ведал, а вот о первом мог бы рассказать многое.

О том, как благодаря Мильвио его нашли и оплатили. О том, кто теперь уходит на нем и как трудно его было отпустить. «Радостный мир»... Мьи уплывала в Алагорию, а затем дальше на восток. В земли, где нет войны и куда зараза Темного Наездника пока еще не доползла. Быть может, в Нейкскую марку или Лоскутное королевство.

Попрошавшись с ней, Пружина ощутил странную пустоту, словно он лишился части себя. Утешало лишь осознание — он поступил правильно.

Отпустил. Не пошел с ней, и теперь Мьи ничто не угрожает.

Он не хотел думать о будущем. О том, что их всех ждет, пускай и на разных краях мира. Когда-то, еще до Туманного леса, Мильвио сказал ему о живучести надежды. Что она будет существовать в некоторых сердцах, даже если погаснет солнце и смерть станет дышать в затылок.

— Это глупо, Фламинго, — скривилась тогда Лавиани, слышавшая их беседу. — Цепляться за мечты.

— Они дают силы. И мечта, и надежда.

— Мне не дали ничего. Лишь разочаровали. Почти уничтожили. Только наивные юнцы цепляются за такое.

Мильвио развел руками:

— Ты не можешь отрицать, что они даруют шанс не сойти с ума и двигаться дальше.

Сойка сплюнула, выражая презрение к озвученному, но в спор не полезла. Она не из людей, признающих чужие утверждения, даже если в глубине души и считают, что собеседник совершенно прав.

Корабль скрылся, растворился между небом и морем, и Тэо, тяжело вздохнув, пошел вдоль берега. Четыре конных гвардейца, выделенных герцогом, чуть помешкав, чтобы акробат в очередной раз не обратил на них внимания, пустили лошадей шагом.

Эскорт не мешал, хотя Тэо считал его лишним. Но так правитель показывал, что ценит единственного асторэ в своей стране, и, кажется, ему это сопровождение было гораздо важнее, чем Пружине.

Серые сумерки. Бесцветный не-день.

Кроме Тэо и его молчаливых спутников, в гавани ни души. Даже крысы и те погибли в огне, а другие, из города, так и не пришли сюда.

Никто не разбирал оставшиеся после грандиозного пожара обгорелые руины, не говоря уже о том, чтобы спешить приступить к восстановлению порта.

Тэо понятия не имел, куда идет. А главное, зачем. Яд той стороны холодил его кровь, пытался плющом оплести сердце, давил на виски, и Тэо знал, как сейчас выглядит.

Растрепанный, потный, с синяками под глазами и походкой столь осторожной, словно он наступал на тонкий лед. Или боялся при каждом шаге вызвать новый приступ боли.

Возле выгоревшего остова маяка, на пепелище жилого квартала, расположенного между морем и портовыми складами, Тэо увидел старую рыбацкую лодку, выцветшую, давно потерявшую хоть какой-то намек на краску. Она стояла на земле среди черных головешек, каким-то чудом не сожранная огнем, и в лодке, с видом мрачной меланхолии, похожая на кладбищенскую ворону, закинув руки за голову, полулежала Лавиани, смотря в низкое сизое небо.

Когда Пружина подошел ближе, она на мгновение скосила глаза на него и вновь занялась созерцанием туч. Лучшее занятие для подобного дня.

Во всяком случае, ее поза говорила именно об этом.

Тэо сел возле лодки, прямо на обугленную землю, прижавшись спиной к борту.

— Твои асторские штучки? — Сойка дала себе труд начать беседу первой.

Голос у нее звучал не раздраженно, как это обычно бывало. А блекло. Устало. Тускло.

У многих, кто все еще остался в Рионе, он теперь такой.

— Штучки?

Корабль, стремившийся к Рионе, стал чуть больше. Раньше — едва различимая точка. Теперь угадывались треугольники и квадраты парусов. Но все еще слишком далеко, чтобы рассмотреть детали.

— Ты нашел меня. Явно асторские штучки помогли тебе в этом.

— Не поверишь, но я не искал тебя. Провожал Мьи.

Лавиани едва слышно кашлянула, и если бы это был другой человек, то Пружина готов был поклясться, что она пытается скрыть неловкость из-за того, что забыла.

— Они уплыли? Сегодня?

— Да.

— И на душе у тебя теперь скребут кошки?

— Немного.

Помолчали.

— Ну... ей будет лучше без тебя. Безопаснее.

— Это ты так утешаешь? — Он не удержался от грустного смешка.

— Утешения и вытирание чужих слез не являются моими достоинствами. Сказала очевидную вещь, которую ты сам знаешь. Шаутты снова и снова станут пытаться тебя прихлопнуть. Ты слишком уж наострился прореживать их ряды. Так что Мыи, в отличие от меня, повезло быть подальше от тебя. Это ты чего там? Смеешься, что ли?

— Сейчас такое время, что даже не знаю, кто в нашей компании несет большую угрозу.

Лавиани негромко выругалась. Гвардейцы в отдалении терпеливо ждали, когда Тэо соизволит отправиться дальше.

— Эти дубины в седлах теперь присматривают за тобой?

— Да. После того как герцог узнал, что я сделал в Рионе.

— Экая благодарность от самовлюбленной дряни! — фыркнула сойка. — Зато он больше не дуется, что когда-то ты отказал ему. Подумаешь, нелепица, цирковая труппа. Уж куда... как это слово... Бланка говорила... куда престижнее владеть собственным асторэ, чем акробатом. Акробатов много, а вашей братии — по пальцам одной руки можно сосчитать.

— Он не владеет мной.

— Понятно, что Анселмо заблуждается на сей счет, но мы же не станем ему об этом сообщать и портить без того дурное настроение? Кстати, я сильно удивлена, увидев тебя. По всем правилам после драки с демонами ты должен витать в грезах да видеть десятый сон. Что-то изменилось?

Изменилось. С той ночи прошло уже несколько суток, но Тэо так и не провалился в глубокий сон, что стал для него проклятием после Туманного леса. Спал, как обычный человек, иногда всего по три часа, и вскакивал вместе со всеми, слушая, как страшно и долго умирает великий город. Гниет по частям-кварталам, распространяя яд по сосудам-улицам, захлебываясь смертями, все больше превращаясь в кладбище.

— Не спится.

— Ага. Так я и поверила. Когда было надо, тебя не растолкать. А лишь все мы стали шататься каждый по себе, ты бодр и полон сил.

Тэо склонил голову набок, потер плечом щеку, все так же глядя на море и корабль.

— Возможно, это из-за случившегося. Слишком много той стороны, слишком близко от меня.

— Ну хоть какая-то польза от дряни, что выпустила Шерон.

— Гвинт.

— Шерон, — жестко возразила Лавиани. — Давай не будем наливать последний мед в озеро желчи. Слаще не станет.

— Но...

— Ты можешь пытаться убедить в этом себя, но не ее. Она то умная девочка и прекрасно знает цену своего поступка. И нет. Я не осуждаю ее. Вообще. Только поддерживаю. Небось она места себе не находит.

Тэо негромко хмыкнул. Звук достаточный, чтобы Лавиани насторожилась.

— Что?

— Шесть дней прошло. Или семь уже? Ты не вернулась во дворец и непонятно где пропадала. Так что не в курсе про Шерон...

— И что же с ней? — протянула сойка и высунулась из лодки, глядя внимательно и напряженно.

Акробат помедлил:

— Я могу лишь догадываться, насколько все плохо. Она больна, и Мильвио никого не пускает к ней. Ухаживает и следит сам. Герцог освободил для нее целый этаж Каскадного дворца, на подступах гвардейцы, проход запрещен.

Лицо у сойки застыло, а в прищуренных глазах появилось беспокойство.

— На тебя не очень похоже вот так оставить ее, ничего не узнав и терзаясь догадками. Не поверю, что ты не пытался зайти к ней.

— Конечно, пытался. Но Мильвио просил не мешать. Он сам скажет, когда придет время.

— Рыба полосатая. Что там о себе возомнил этот заносчивый южанин?!

— Полагаю, он куда лучше нас знает, как правильно. Он понимает в этом больше, чем мы. Поэтому я не стал настаивать. Выглядел он встревоженно.

— Все сейчас встревожены. — Сойка вылезла из лодки, с неприязнью посмотрела на гвардейцев. — Странно было бы, если б радовались и пели. Пожалуй, навешу я дворец. Не

спорь. Если Фламинго меня и отправит, то пусть сперва объяснится. Но сначала закончу дело.

Он только сейчас заметил, что возле обгоревших останков дома вырыта неглубокая яма. Внизу, среди осыпавшейся со стенок земли, лежали истонченные черные прутики — фрагменты костей.

— Все, что нашла, — буркнула сойка на немой вопрос Тэо, берясь за лопату. — Проклятый огонь шауттов был злющий.

— Кто это?

— Друг. Наверное, я могу назвать его именно так. Старый друг, живший в этом доме. А может, его дочь. Поди теперь пойми.

— Мне жаль.

— Нужно мне твое сочувствие, рыба полосатая! — огрызулась та и начала работу.

Тэо постоял рядом, слушая, как она зло сопит, затем стал помогать, бросая землю руками. Сойка его не остановила.

Они хоронили под взглядами гвардейцев, которые ни во что не вмешивались. Когда могила оказалась зарыта, Лавиани с отвращением отбросила лопату, отряхнула ладони.

— Ну, вот и все. Всю жизнь ненавидела этот город.

— От города мало что осталось.

— Хм. Твоя правда, Попрыгун. Но мне совершенно не радостно это признавать.

Корабль уже приблизился к гавани настолько, что стал различим рисунок на его косых парусах — ярко-алый гриф.

— Альсакра, похоже. Военный корабль Карифа. — Лавиани казалась удивленной. — Они, может, те еще песчаные задницы, но смелые, раз приперлись сюда в такое вре...

Она осеклась, и Тэо тоже почувствовал. Что-то маленькое, холодное коснулось его щеки. Он машинально вытер ее тыльной стороной ладони, а после, задрвав голову, посмотрел на низкие облака.

На Рионну, сонно кружась, падали снежинки.

— Прекрасное начало лета, рыба полосатая! — скривилась сойка.

Серые улицы и нависшие над ними истончившиеся, словно от голода, дома жадно впитывали в себя любые звуки. Шум шагов, стук копыт, тяжелое дыхание.

Город пожрал все, и теперь его засыпал снег. Но не белый, а светло-серый, больше похожий на пепел из прогоревшего костра. Снежинки очень неохотно таяли, несмотря на теплую погоду, и грязные проплешины легли на брусчатку, стали собираться на карнизах и козырьках зданий.

Тэо стоял на холме, ближайшем к реке, том, на котором веками высился Каскадный дворец, и изучал чужую, незнакомую Риону. Так, словно видел ее впервые.

— Если доплыть в Филгам и пересечь весь Дельфин, оказаться на самом юге, где острый мыс лижут волны, а дальше одно лишь бесконечное море, там живут степные племена. Они тоже соланцы. Вроде как. — Лавиани непонятно чему усмехнулась. Каким-то своим мыслям. — Хотя они тоньше, смуглее, да глаза еще более темные. Они сжигают своих мертвых.

— Народ курганов. Я был там однажды с цирком. К чему ты клонишь?

— Мертвецов выносят на берег, обкладывают хворостом, льют масло, убивают быка, если богат. Или курицу, коли беден. Костер хорошо горит, а ветер поднимает пепел в небо. Однажды они сожгли несколько сотен покойников разом. И небо стало отдавать прах назад. Щедро, забыв о жадности. Их деревню засыпало им. Смотри, Попрыгун. Этот странный снег почти такой же, как тот прах. Медленно и величаво укутывает город покойников.

Тэо покосился на нее с сомнением.

— Что, рыба полосатая? Слишком много слов для такой, как я?

— Да еще и высокопарных.

Усмешка прорезала ее суровое лицо. Словно трещина, возникшая на сковавшем озеро льду.

— Должна же я когда-нибудь превратиться в болтливую бабку. Сейчас самое время. Мир, судя по всему, на самом краю и простит мне такую слабость.

Город засыпало снежным прахом, и он спал, ожидая, когда вечные сумерки дня перейдут в ночь. Башни высились из серого марева пальцами скелетов, грозя непонятно кому. Районы Трещоток, Пепельной Кучи, Удавки, Погребальных Слов, Сгоревших Листьев, Ниток и тех, что тянулись за ни-

ми, — все они, вплоть до внешних крепостных стен, теперь мертвы. Кто не успел уйти, навсегда остались там.

Тэо помнил, как все случилось. Вода Пьины вскипела, выпитала в себя ночь и с рассветом, перебродив, выплеснулась на противоположный берег. Не водой, но тьмой. И та, червями, устремилась в кварталы, пожирая и разрушая все, до чего могла достать.

Теперь это чудовище, огромное, темное, непостижимое, свившее гнездо на останках большей части Рионы, чутко дремало, и Тэо кожей ощущал его дыхание.

— Ты ведь ходила туда?

— Все порой страдают глупостью, мальчик. Но описать увиденное на второй день... Тьма знает что там устроила зверушка Кара. Синие огни. Живых никого. Я не переступала границу. Видела, кое-кто так делал в поисках пропавших родственников, но назад никто не вернулся. Та сторона всех прибирает к рукам. — Она хлопнула Тэо по плечу. — А после граница не пускала уже никого. Давай, Попрыгун. Хватит чесать языками. Пошли. Мы должны проверить, что там с Шерон.

Каскадный дворец словно вымер. Одно крыло было полностью разрушено, через сад и парк к Пьине тянулась сизая плешь. Людей в других частях — практически нет. Пара десятков слуг для поддержания жизни тех, кто все же остался здесь, и одна гвардейская рота охраны. Герцог с семьей, советники, чиновники и благородные перебрались на север, в Леводно, маленький городок в четырех милях от Рионы. Следом за теми, кто обитал во дворце, и многие горожане начали покидать то, что до последних дней считалось столицей Треттини. Исход жителей продолжался все это время и не прекратился до сих пор. Сперва город оставили самые трусливые, за ними — осторожные и умные. Теперь наступил черед упрямых, тугодумов и отрицавших до конца, что все не наладится.

Как полагал Тэо, остались лишь смелые. Или те, кому просто некуда идти.

О последних он сказал вслух, когда они с Лавиани под пристальными взглядами охраны Оранжевого крыла поднимались по колоссальной лестнице к внешним дверям.

— Да, — согласилась та, внезапно добавив: — Но еще одних ты забыл. Горстку надеющихся на чудо, потерявших роди-

чей в сожранных районах. Такие тоже есть. Давай-ка сейчас войдем, и ты присядешь там, у ваз.

— Зачем?

— В тебе изъян, я его чувствую. Странная болезнь. И то, как ты страдаешь от жара, видно без всяких моих талантов.

— Хм.

— Ты бы не хмыкал, а сказал старой обеспокоенной женщине, что с тобой происходит.

— Шаутт зацепил.

— А ну-ка, присядь.

Тэо сел на ступеньки, стряхнув снежинки с волос.

Лавиани, закрыв глаза, положила шершавую ладонь на лоб акробата. С минуту он изучал ее сосредоточенное лицо, нахмуренные брови, поджатые губы.

— Интересно. — Она наконец отстранилась от него и, не скрываясь, вытерла руку о штанину, словно запачкалась в чем-то отвратительном и ужасно мерзком.

— И это все?

— Я что, по-твоему, из Шестерых, рыба полосатая? Дотронуться — и станешь здоров? «Интересно» это я к тому, сколько в тебе яда: он отравит алую тихоню, черную гадюку и любимого слона карифского герцога. Будь ты приличным человеком, а не каким-то пойдди шаутт пойми асторэ, уже бы помер. Ан нет. Живешь, дышишь и даже ухмыляешься. Я бы рада помочь, да не знаю как. Вот если Шерон...

Она не стала продолжать, а Тэо не надо было напоминать, что Шерон сейчас не до них. Сойка и так в курсе.

Они шли по опустевшим, посеревшим, почти не освещенным коридорам огромного дворца. Тэо замешкался, когда сойка свернула в какой-то проем, толкнув дверь, ведущую в покои слуг.

— Эм...

— Вот только не учи меня. Я приходила в дома благородных, когда тебя на свете не было. Сам же сказал, этаж охраняют солдаты и никого к ней не пускают. Не желаю я бодаться лбами с упрямым лейтенантом. Нет настроения.

— То есть ты считаешь, здесь вход охранять не станут?

— Ну, мы выйдем на балкон и поднимемся по стене на пару этажей вверх. Ты ловкий парень, да и я проворная. Уверена — справимся.

Забраться по стене и впрямь не составило для них труда. Цепляясь за выступы и перепрыгивая с балкона на балкон, сойка первой оказалась на нужном этаже. Ножом подцепила защелку, распахнула огромные оконные створки, выбралась в коридор.

— Не шуми, — предупредила она Тэо, словно в этом была какая-то нужда, когда он мягко соскочил на пол, не издав ни звука.

Пустой коридор, пустой холл, пустые лестницы. Действительно, на этом этаже, большом и занимавшем достаточную площадь, чтобы здесь поместилась целая городская улица, не было охраны.

К дверям, где находились покои Шерон, Лавиани подошла с необычной осторожностью и постучала так, словно опасалась разбудить степного льва. Тэо думал, что они прождут как минимум четверть часа, но замок шелкнул уже через минуту, и Мильвио, протиснувшись в приоткрытую щель, оказался рядом.

От него пахло потом и вином, глаза были красными, одежда измята, но стоял он на ногах все так же легко и пружинисто, как прежде.

— Я догадывался, что это случится, — произнес треттинец, плотно закрывая за собой дверь. — Как только ты узнаешь. Уходи, сира. Немедленно.

— Тебе не кажется... — начала Лавиани, но он взял ее за плечо, подтолкнул к выходу.

Не грубо, но решительно. Тэо полагал, что сойка запросто могла бы сорвать этот хват и остаться на месте, но удивительно — последовала за ним, прочь от покоев.

— Не кажется. Ты не понимаешь, насколько здесь опасно.

— Она опасна? — тут же высказала догадку Лавиани.

— Ее дар. Ты должна держаться как можно дальше, чтобы не вводить его в искушение. Уходи. Я позову, если все образуется.

Лавиани повела плечом, и треттинец разжал пальцы, подчиняясь ее намеку.

— Ну, а ты, Фламинго? Чем ты лучше меня?

Он грустно усмехнулся:

— Я когда-то был волшебником. Второй раз она, даже находясь в таком состоянии, не допустит ошибки. Это все равно что дважды сунуть руку в очаг. Тебе надо идти, сира. Прямо сейчас.

Лавиани скривилась, но было видно — она поверила ему.

— Я могу хоть чем-то помочь девчонке?

— Да. Быть как можно дальше, не умереть и не стать ее послушной опаснейшей куклой.

Сойка скрежетнула зубами:

— Ладно. Я стану ждать где-нибудь возле кухонь. Наш район, по счастью, эта дрянь не затронула. Обещай, что найдешь меня и позовешь, когда ей станет лучше.

— Обещаю. — Его зеленые глаза казались черными в тусклом свете сгущающихся сумерек.

— Я хочу ее увидеть, — чуть склонил голову Тэо.

— Ты же слышал...

— Я асторэ. Не человек. Ее дар не подчинит мое тело. Вдруг я смогу помочь.

— Не сможешь, — с сожалением ответил ему треттинец. — Но, возможно, она поймет, что ты пришел навестить ее. Быть может, это пойдет на пользу ее войне. Давай попробуем.

Тэо понял, что входит в комнаты Шерон с осторожностью, едва ли не робостью человека, который пришел навестить тяжело больного, а не исключено, что и умирающего.

Раздраженное шипение Лавиани стихло по ту сторону двери. Акробат, прежде чем сделать следующий шаг, осмотрел комнату.

Стол завален грязной посудой и бесконечным количеством пустых винных бутылок. Часть из них валялись на полу, одна укатилась вообще на балкон, и теперь ее припорошил снег.

Он перевел взгляд на Мильвио, и тот пожал плечами:

— Дни идут, по мне, слишком долго. Невыносимо долго. Остается лишь думать, жалеть об утраченном и опустошать запасы его светлости.

Пьяным южанин совсем не выглядел. Скорее смертельно уставшим, словно он не спал все эти сутки. Возможно, так и было.

Высокие оконные створки, распахнутые настежь, выпускали достаточно воздуха, но несмотря на это, в помещениях властвовала духота, словно ветер преисполнился робости и не решался заглядывать сюда.

Стул был перевернут, свечной воск никто не убирал, и он растекался, собравшись грубыми наростами на мебели и подоконниках. Фэнико в ножнах лежал на брошенной на паркет

вельветовой куртке. Рядом валялись книги, а также карты Треттини, Ириасты и Фихшейза, запачканные винными пятнами, смятые и исчерканные чернилами. Чернильницу Тэо тоже увидел. Точнее, ее осколки — дорогое вьенское стекло разметалось острыми треугольными иглами по дальней части комнаты, а на охряной стене красовалась внушительная клякса.

Акробат шагнул туда, где располагалась спальня, осколки хрустнули под подошвами его сапог, но, не дойдя, застыл, поперхнулся, закрыл рот и нос рукавом, отшатнулся назад, за невидимую границу, посмотрел на Мильвио, чувствуя, что глаза начинают слезиться.

Смердело разверзшейся могилой.

Треттинец же вел себя так, словно они находились на цветущем лугу.

— Как?.. — прохрипел Тэо, желая спросить, как товарищ выносит подобное, находясь здесь не первый день, но его внезапно парализовало от ужаса. — Она...

— Жива. — Мечник указал в соседнюю комнату. Отсюда Пружина видел лишь угол большой кровати.

— Я могу ее увидеть?

— Если тебя не тревожит дыхание кладбища, сиор.

Акробат признался себе, что весьма тревожит, но решительно двинулся вперед.

И снова застыл. Он смотрел на Шерон, лишь краем сознания отмечая, как Мильвио остановился за ним.

Она сидела по-карифски, точнее — стояла на коленях, кулаками упираясь в одеяло и задрал лицо к потолку. И очень изменилась за те дни, что Пружина ее не видел. Похудела еще больше, чем прежде. Кожа стала бледной и сухой, нездоровой, столь тонкой, что сквозь нее, казалось, просвечивают кости. Особенно это было заметно на руках и на скулах. Волосы в беспорядке, спутаны, белых нитей в них добавилось, а глаза огромные, словно у совы.

Вываренные, как солнце нынешнего дня.

Чужие. Не этого мира.

Глаза чудовища. Или ведьмы из зловещей сказки.

Тонкое левое запястье совсем недавно кровоточило, Тэо видел, что повязка, которую сделал Мильвио, сильно намочила от крови, а та, просочившись сквозь бинты, испачкала еще и простыню с одеялом.

Над Шерон, тускло сияя белым светом, точно две маленькие злые звездочки — кружили кубики игральных костей.

Именно они издавали это отвратительное зловоние, словно приносили его в спальню со всех погостов мира и полей сражений.

Несколько секунд Тэо смотрел в серое лицо некроманта, на обескровленные искусанные губы, страшные глаза. Было понятно, что Шерон его не замечает и словно спит наяву.

— Она ведет битву, — справившись с тошнотой от мерзкого запаха, произнес Тэо. — Но с кем?

Мильвио положил тяжелую руку ему на плечо, потянул за собой, прочь из комнаты. Пружина бросил полный сожаления последний взгляд на девушку, прежде чем пойти за треттинцем.

Стоило лишь преодолеть невидимую границу, как кладбище осталось за спиной и появилась возможность дышать. Мильвио поднял опрокинутый стул, толкнул, рассчитав столь ловко, что, проехав по полу через все помещение, тот остановился перед Тэо.

— Идем на балкон, сиор.

Он не скрывал иронии. Перебрал пустые бутылки, одну чуть не разбил, нашел целую, кинжалом срезал печать, взялся за штопор, подхватив два стакана. Тэо, подняв стул, пошел за южанином.

Снег закончился так же внезапно, как начался. От него остались лишь капли да лужицы. Стало жарко, даже знойно, и наступающая ночь влажно дышала землей, которая отдавала тепло пасмурному небу.

Огни горели только по этому берегу, а еще в порту, трех башнях и по периметру ближайшего к дворцу сектора городской стены укреплений. Большая часть Рионы была погружена во мрак, но Тэо помнил ее в первую и во вторую ночь, пока люди еще оставались живы и кто-то мог поддерживать пламя.

То горело ярко-синим, болезненным для глаз светом.

Мильвио разлил вино. Густое, медово-янтарное и, наверное, ароматное, но Тэо, все еще пребывающий мыслями у постели Шерон, скованный запахом, остерегся пить. Просто принял стакан, ожидая, когда Мильвио начнет говорить.

— Ты прав. Она уже несколько дней ведет битву с собственным даром, — наконец ответил треттинец, облокотившись о перила. — И я могу лишь надеяться на ее победу. Нам всем

очень повезло, мой друг. Что сначала она была указывающей, затем долго жила рядом с самым большим некрополем в мире, потом — что ей в руки попала книга старого некроманта, а способностей Шерон оказалось достаточно, чтобы учиться. И наконец, браслет. Она сумела с ним договориться. — Бывший волшебник сделал глоток, прищурился. — Это большая удача. Не будь всего перечисленного — и финал истории первого некроманта за тысячу лет уже бы наступил.

— Почему сейчас? Из-за близости той стороны?

— Я как-то рассказал ей о мотыльках, которые падают на стекло. Их вес ничтожен, но если ночных бабочек будет много, очень много, то стекло не выдержит, мой друг. Она закалила стекло всем, что я перечислил. Но вот это... — Треттинец провел рукой вдоль мрака, в котором скрывался ночной город. — Умерли тысячи, почти одновременно. И Шерон захлебнулась в смертях, как утопающий захлебывается в воде. Стекло дало трещину, но держится. Пока держится...

Он замолчал, снова стал смотреть на вымерший город.

— Что будет, если она не справится? Если дар смерти возьмет верх над ее волей? Она погибнет?

Мильвио покачал головой:

— Нет. Она слишком сильна для подобного исхода. Раньше — возможно. Теперь нет. Шерон не умрет.

Тэо облегченно перевел дух и наконец-то решил попробовать вино.словно галька на морском берегу, которую лизнул, а теперь колет язык от яркой соли. А еще смола и ежевика.

— Всегда поражался, как ты можешь выбирать среди бутылок столь интересные.

— Опыт долгих лет. — Вопреки ситуации, Мильвио нашел силы на улыбку, но тут же стал серьезен. — Ты не до конца понимаешь последствия, если дар победит волю Шерон. Если стекло лопнет.

В вине появился кислый привкус. Укусил язык и нёбо, охладил гортань.

— Она не умрет. Но изменится. И поверь, сиор, эти изменения тебе не понравятся. Никому не понравятся. Ее захватит смерть, та, что подчинялась ей, теперь подчинит ее. Представь себе жестокое существо, потерявшее прошлое, стремящееся лишь множить трупы и повелевать ими. И так до бесконечности. По кругу.

Тэо увидел в глазах собеседника тревогу, но ничего не спросил. Не знал, какой из десятка волнующих вопросов задать первым, и, он признался в этом самому себе, страшился спрашивать.

— Существование тзамас в нашем мире было предопределено если и не Шестерыми, то самими асторэ. Но где-то в веках, после бледных равнин Даула, некроманты пошли своими, очень темными тропами. Они конфликтовали с нами, их ненавидели таувины. Часто с ними можно было договориться, но случалось, что той стороны в их сердцах накапливалось чересчур много, и тогда мир накрывало безумие. Когда не человек управляет даром, а дар человеком — он вытаскивает из души все самое темное. С браслетом она очень сильна, слишком сильна, чтобы не учитывать последствий. Волки, которых она подняла на перевале, покажутся милыми овечками.

— Что нам делать, если такое случится? — От подобного вопроса на языке остался крайне отвратительный привкус, который нельзя прогнать даже целой бутылкой хорошего вина.

Мильвио указал на меч. Тот, в слабом отблеске свечей, обернулся в зловещие тени, словно в тяжелый длинный плащ. На миг Тэо почудилось, что они едва заметно шевелятся, дышат, он напрягся, пригляделся, но понял, что это обман зрения, всего лишь игра воображения и света.

— Это тоже артефакт одного из Шестерых, как мы теперь знаем. Полагаю, высок шанс, что Фэнико смог бы противостоять браслету.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Продолжать не имело смысла. И так все предельно ясно. Тэо внезапно осознал, насколько сидящий перед ним южанин вымотался за последние дни. И перед каким непростым выбором он стоит.

Никому подобного не пожелаешь.

Мильвио аккуратно поставил стакан с вином на балконные перила, сходил в комнату, поднял меч, вернулся.

— Фэнико в прошлом носил иное, истинное имя. Как его назвал первый владелец? Лед? Губитель? Клевер? Или просто Меч? Возможно, до того как Тион совместил клинок со своим веером, настоящее имя подходило куда лучше нынешнего. — Мягко, почти нежно прошелестело, когда треттинец извлек оружие из ножен. — Он сильно изменился от первоначальной задумки мастера, его создавшего. И речь не только о рукояти и

гарде, которые сделал я. Сам клинок стал иным, мой друг. За годы, что его точили и правили, — уже и легче. У меча появилась иная душа, но он, полагаю, помнит многое. Всех тех, кого забрал на ту сторону. И вот что я тебе хочу сказать, мой друг. На Фэнико достаточно крови тех, кого я считал своими друзьями.

Мильвио хмыкнул, досадуя на себя за эти слова.

— Нет. Не так. Тех, кто были моими друзьями. Война Гнева раскидала нас по разные стороны, и мы рвали друг другу глотки. Не буду оправдываться, я горел жадной мести ничуть не меньше, чем Тион. И считал всех, кто против, кто остался с Мелистатом, предателями и убийцами. Молодости часто сопутствует глупость, тут Лавиани права как никогда. Ты всегда на светлой стороне, те, кто против тебя, всегда на темной. Никаких полутонов, никаких компромиссов. Что это, если не глупость? Знаешь, кто изменил меня? Больше, чем вся та жестокая бесконечная бойня, с испытаниями, потерями, жертвами и поступками, о которых я до сих пор сож... — Он криво, болезненно улыбнулся лишь одной стороной рта. — Которых я стыжусь. Лавьенда. Первая, после Мелистата, среди наших врагов. Вторая, после Тиона, по силе в нашем поколении волшебников. Когда я проиграл ей поединок, она сделала то, чего не сделал бы я — пощадила меня. Я, а точнее, тот волшебник из прошлого, убил бы без сомнений. Но она зародила во мне эти самые сомнения. Пускай я навсегда лишился магии, выгорел, но растерял свою ненависть. Та, сгорев, унеслась пеплом вместе с ветром, который перестал мне подчиняться и пожрал земли, теперь называемые Смерчами. Войс в тот день умер. Или стал умирать. Я вдруг увидел себя со стороны. Всех нас. И увиденное вызвало во мне отвращение. Мы потеряли человечность, мой друг. Перестали замечать простых людей, превратили их в фигурки на игровой доске, безвольных кукол, в куски мяса, которые должны были исполнять нашу волю и умирать за нас. Мелистат, без сомнения, был виноват, я до сих пор так считаю, но виноваты ли десятки тысяч, что не пережили Войну Гнева? Очень сомневаюсь.

Он одним глотком опустошил стакан, вложил меч в ножны.

— Всегда есть выбор. Всегда можно сделать несколько вещей. Сойти с дороги, по которой ты идешь. Или же на которую тебя поставили. Никто не безвольная кукла, мой друг. И иногда

следует не делать то, что правильно. Отступить. Проявить жалость. Или слабость, как сказал бы мой старый друг.

Треттинец протянул Фэнико Тэо и, заметив колебание на лице акробата, мягко сказал:

— Она — лучшее, что у меня есть. За все века. Я не желаю обнажать меч против нее, что бы ни случилось дальше. Унеси его. Чтобы у меня не возникло ни малейшего соблазна встать у нее на пути.

— Ты сдаешься. Хочу, чтобы ты понял — я не осуждаю. Я бы тоже не поднял на нее клинок.

— Не сдаюсь. И сделаю все, что смогу, чтобы остановить. Но я не стану причинять ей вред. И никому не позволю. Так что рад, что ты на моей стороне.

Тэо, помедлив, кивнул. Дышать стало немного легче. Он поднялся, сжимая меч.

— Я верну его, когда все наладится.

— Да. Нам остается только ждать.

— А что с войной? Давно не слышал новостей с севера.

Мильвио нахмурился:

— Я допустил несколько серьезных ошибок. Недостойных моих знаний. Следовало не мешкать, когда я услышал о Рукавичке. Но другие дела, обещание, что я дал Шерон, вынудили меня пойти иным путем. Я до последнего не предполагал, что это шаутт. Позволил себе поверить в невозможное. Я так долго искал асторэ, отводил их в Туманный лес, ждал возвращения... ты тоже не вернулся, и мне захотелось, чтобы мечты стали правдой. Чтобы наконец-то появилась асторэ, которая защитила семью горного герцога от шауттов.

— Сама пришла в Туманный лес? Не превратилась в пустого?

— Такое было дважды после Катаклизма. Почему бы не случиться еще раз?

— Дважды? — удивился Тэо. — И что произошло с ними?

— Их нашла Нэко, — ровно произнес Мильвио. — В то время она была... иной. Скажем так.

— О.

Пояснения Пружине не требовались.

— Я поверил, что Рукавичка может быть асторэ, и верил, пока не стало слишком поздно. А затем не смог остановить ее. Теперь война проиграна. Полагаю, Лентр падет до того, как завершится лето.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Эпохи

- Первая эпоха — Эпоха Безвременья
- Вторая эпоха — Эпоха Рождения
- Третья эпоха — Эпоха Света
- Четвертая эпоха — Эпоха Процветания
- Пятая эпоха — Эпоха Забвения

Названия месяцев

- Месяц Ворона — первый месяц зимы.
- Месяц Мантикоры — второй месяц зимы.
- Месяц Снегиря — третий месяц зимы.
- Месяц Креста — первый месяц весны.
- Месяц Единорога — второй месяц весны.
- Месяц Соловья — третий месяц весны.
- Месяц Щита — первый месяц лета.
- Месяц Тени — второй месяц лета.
- Месяц Дракона — третий месяц лета.
- Месяц Журавля — первый месяц осени.
- Месяц Меча — второй месяц осени.
- Месяц Василиска — третий месяц осени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Лучшее, что у меня было...	5
<i>Глава вторая.</i> Утраченная цель	23
<i>Глава третья.</i> Делать неприятные вещи	43
<i>Глава четвертая.</i> Кузнец	75
<i>Глава пятая.</i> Из могилы и в могилу	87
<i>Глава шестая.</i> Обмен	107
<i>Глава седьмая.</i> Разговор	127
<i>Глава восьмая.</i> Логово уснувшей лжи	135
<i>Глава девятая.</i> Тьма против тьмы	153
<i>Глава десятая.</i> Ради мира и спокойствия	176
<i>Глава одиннадцатая.</i> Кровь на клинке	184
<i>Глава двенадцатая.</i> Владычица костей	209
<i>Глава тринадцатая.</i> Зеленые ленты	229
<i>Глава четырнадцатая.</i> Запахи	251
<i>Глава пятнадцатая.</i> Четыре поля	267
<i>Глава шестнадцатая.</i> После	300
<i>Глава семнадцатая.</i> Те, кого коснулось солнце	319
<i>Глава восемнадцатая.</i> Новая надежда	340
<i>Глава девятнадцатая.</i> Живущая в нитях	353
<i>Глава двадцатая.</i> У порога	376
<i>Глава двадцать первая.</i> Фламинго	384
<i>Глава двадцать вторая.</i> До	423
<i>Эпилог</i>	436

Приложение

Эпохи	440
Названия месяцев	440